

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

3—4
(12—13)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1940

шом количестве найдены на Боспоре и в некоторых других северо-черноморских колониях. Я имею в виду, прежде всего, ручки с почти правильным овальным сечением и близким к прямому углу изгибом (приближающиеся по форме к ручкам с клеймами ('Ιπτε), с двустрочными, удлинённой формы и несколько закруглёнными краями, клей-

мами с именем $\begin{pmatrix} \text{ANTI} \\ \text{ΦΙΛΟΥ} \end{pmatrix}$ (П р и д и к, Инв. кат., стр. 109, № 176, упоминается в Херсонесском декрете, IPE, I, 426, возможно, что и не херсонесский гражданин), а также уплощенные ручки, с двустрочными клеймами, оттиснутыми поперек ручки, в параллелограмме с несколько закруглёнными краями, с именем $\begin{pmatrix} \Sigma \Omega \\ \Sigma \tau \rho \end{pmatrix}$ Σώστρα(τς)

(П р и д и к, Инв. кат., стр. 114, № 322, упоминается в ольвийской посвятительной надписи, IPE, I, 145).

Мне кажется, что уже и теперь возможны некоторые выводы относительно хронологии этой группы клейм. Близость их шрифта к шрифтам черепичных клейм раннего периода (отсутствие изукрашенных букв и сравнительная редкость лигатур) позволяет предположить, что большая часть перечисленных клейм относится еще к IV и первой половине III в. до н. э. К более позднему времени, т. е. ко II в. до н. э., может быть

отнесено лишь клеймо-монограмма $\begin{pmatrix} \Delta \\ \Delta \end{pmatrix}$, как уже было замечено, встречающееся на монетах указанного времени, а также клеймо T₁, судя по форме букв с расширяющимися и поставленными не в строку концами.

Бросается в глаза редкость царских имен на амфорных ручках Боспора. Исключением являются лишь ручка с клеймом Σταρ(τόχου) и ручка с монограммой $\begin{pmatrix} \Delta \\ \Delta \end{pmatrix}$, поскольку она допускает чтение Πα(ρισάδου). Все остальные клейма, в том числе и совпадающие с черепичными, дают имена, видимо, не имеющие отношения к царскому дому Боспора. Из этого, может быть, следует, что на царских черепичных заводах амфоры или не производились, или их не считали нужным снабжать клеймами. Как бы то ни было, этот факт, наряду с фактом отсутствия клейм явно позднего времени (наковы, например, черепичные клейма: Гайдуневич, стр. 309, № 65, стр. 314, № 84—85 и 92—93), ограничивает нашу группу сравнительно небольшим промежутком времени, немногим более одного столетия, и представляет ее как продукцию, не составлявшую государственной монополии.

Поскольку у нас нет никаких решительно данных для того, чтобы отрицать наличие производства амфор на Боспоре во II—I вв. до н. э., приходится констатировать лишь прекращение их клеймения в эпоху, несколько более раннюю, чем это имело место в производстве амфор, происходящих из других центров.

Факт этот, пожалуй, не должен представляться странным в свете того, что мы знаем о положении Боспора и других северо-черноморских городов в конце III и во II в. до н. э. Как внутренние, так и внешние события должны были мало способствовать увеличению местного производства и, наоборот, должны были благоприятствовать относительному усилению проникновения на Боспор малоазийской керамики и керамики островов Эгейского моря.

Л. Ельницкий

Археологические исследования 1937—1939 гг. в УзССР

Археологические исследования 1937—1939 гг. на территории Узбекистана производились преимущественно Узбекистанским комитетом по охране и изучению памятников материальной культуры, а в некоторой своей части—совместно с союзными и местными научными учреждениями. В соответствии с пятилетним научно-тематическим планом исследования были направлены на две основные цели: во-первых, осветить

те этапы в истории развития человеческого общества, которые оставались совершенно не выявленными на территории Узбекистана, как, например, палеолит, эпоха бронзы, рабовладельческая формация, отчасти неолит, и, во-вторых, исследовать в археологическом отношении те области УзССР, которые не были затронуты предшествующими работами.

До издания подробных отчетов остановимся вкратце на более интересных исследованиях¹.

I

Термезская комплексная экспедиция 1937—1938 гг. (руководитель М. Е. Массон) производила раскопки на развалинах Старого Термеза и на городище Айртам.

Последнее расположено в 17 км к востоку от гор. Термеза, на правом берегу реки Аму-Дарьи. Древние письменные источники не упоминают об этом пункте, хотя, судя по тому, что развалины его занимают обширную площадь, а обнаруженные на нем вещевые находки, например известный скульптурный карниз², отличаются высоким мастерством,—это было значительное поселение. Городище состоит из возвышенной части (250×100 м), огражденной с трех сторон оплывшими глинобитными стенами; четвертая сторона его совпадает с обрывистым берегом Аму-Дарьи.

К этой возвышенной части городища непосредственно примыкают развалины поселения, тоже окруженного стенами.

Раскопки 1937 г. (М. И. Вязьмитиной) были сосредоточены в юго-западной части возвышенного участка городища. Здесь на площади в 288 кв. м было вскрыто несколько помещений, входивших в состав одного здания, построенного из крупных сырцовых кирпичей (рис. 1). Те помещения, где первыми раскопками этого городища, проведенными М. Е. Массоном в 1933 г., был обнаружен скульптурный карниз, остатки реликвария и фрагменты алебастровой статуи будды, бесспорно, имели культовое назначение. Соседнее помещение с несколькими очагами и большими глиняными хумами (корчагами) для хранения продуктов и отстоя воды служили, повидимому, кухней святилища.

Внутри святилища вскрыты два одновременных пола. Части стен, заключенные между верхним и нижним полом, покрыты тонкой алебастровой штукатуркой, сильно отличающейся от грубой глиняной штукатурки, сохранившейся над верхним полом. Таким образом, выявлены два периода существования этого здания, из которых первый датируется бронзовой монетой безыменного царя с надписью *BAΣILEYΣ BAΣILEΩN XΩTP MEΓAΣ*, относящейся к I в. н. э.³ Углубление раскопа под нижний пол обнаружило культурные наслоения, относящиеся к первым векам до н. э., характеризующиеся тонкостенной керамикой из темнорозовой глины, покрытой красным ангобом, облицовочными плитками из обожженной глины (одна из них со штампом, изображающим оленя) и тому подобными находками. Как раскопки, так и подъемный материал с городища Айртам дают большое количество фрагментов разнообразной глиняной посуды—толстостенных хумов, огнеупорных котлов для варки пищи, кувшинов, блюд, мисок, тарелок, конических сосудов, светильников типа плошек и т. п. По характеру выделки превалирует ангобированная керамика коричневых, кремовых и красных тонов, по большей части без орнамента, иногда прекрасно лощенная, сделанная из тонкой глиняной массы, а также лакокрасочная керамика. Орнамент, встречающийся на посуде,

¹ Для обзора использованы отчеты, дневники, поквadratные описи и другие полевые материалы М. Е. Массона, М. И. Вязьмитиной, Е. Г. Пчелиной, В. Д. Жукова, Д. Д. Букинина, П. И. Князева, А. П. Окладникова, В. А. Шишкина, Т. Г. Оболдуевой, Г. В. Григорьева, Я. Г. Гулямова, А. З. Зайнутдинова и др.

² М. Е. М а с с о н, Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. «Материалы Узкомстариса», вып. I, Ташкент, 1933; Е г о ж е, Скульптура Айртам. «Искусство» № 2, М., 1935.

³ Определение монеты сделано М. Е. Массоном.

относится к пяти основным типам: штампованный, наlepной, воспроизведенный путем лощения, путем раскраски и процарапыванием. Почти вся посуда сделана на гончарном круге; только большие хумы выделялись комбинированным способом: днище и горло сосуда изготавливались на гончарном круге, а корпус—от руки, путем последовательного наложения глиняных поясов на днище, после чего к корпусу присоединялось горло хума. Такая техника, применяемая местными гончарами до настоящего времени, объясняется невозможностью изготовить на гончарном круге большой сосуд, в 0,80—1,00 м высотой. Также от руки изготавливались и котлы для варки пищи. Это круглодонные; приближающиеся к шарообразной форме сосуды, сделанные из лессовой глины с большой примесью жирных глин и дресвы для придания им огнеупорности. Круглодонная форма котлов определяется их использованием непосредственно

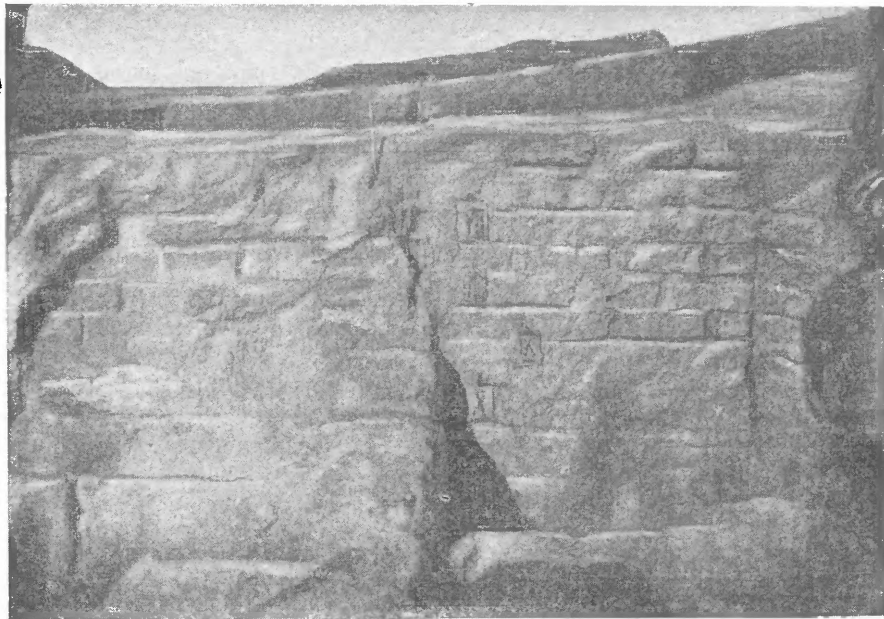

Рис. 1. Айртам. Восточная стена святилища.

на огне или в земляной печи, для чего непригодны плоскодонные сосуды; в то же время благодаря большой примеси дресвы глина утрачивает свою эластичность, почему тянуть и формовать сосуд из такой массы на круге невозможно. Судя по фрагментам посуды, температура обжига хумов достигла 850—900°, огнеупорных котлов—1150—1200° и всей остальной посуды—930—960°. Такое колебание температуры вполне возможно в одной и той же обжигательной печи. Таким образом, разница в технике формовки, в составе глиняного теста и в степени обжига, наблюдающаяся в айртамской посуде, определяется не различными этапами развития керамического производства, а специфическим назначением и величиною сосудов. В нескольких пунктах городища выявлены остатки гончарно-обжигательных печей и большие массы керамического шлама, свидетельствующие о широком развитии местного гончарного производства.

Наряду с богатым подбором фрагментов посуды на городище добыто большое количество терракотовых фигурок животных и людей, различные предметы культового назначения, а также статуэтки из мергелистого известняка и фрагменты архитектурных деталей из того же материала (рис. 2, 3).

На развалинах Старого Термеза, занимающих площадь более 1 000 га на правом берегу Аму-Дарьи, в 12 км к северо-западу от современного города Термеза, раскопки были произведены в нескольких пунктах. На возвышенности Кара-Тепе, состоящей

из двух холмов, в 1937 г. был обнаружен древний буддийский монастырь, состоящий из большого числа искусственных пещер и надземных помещений (раск. Е. Г. Пчелиной от Центр. Антирелиг. музея).

Во время раскопок 1937 г. вскрыто несколько пещер, некоторые большого размера, вероятно общественного назначения, а другие, небольшие, повидимому индивидуального пользования. Монеты, керамика и другие находки, полученные на Кара-тепе, относятся к первым векам до н. э. и к первым векам н. э.

Исследование в 1937 г. загородного дворца термезских правителей XI—XII вв., расположенного в восточной части развалин Старого Термеза (раск. В. Д. Жукова), за-

Рис. 2. Айртам. Мужская фигура в варварской одежде, держащая у пояса диск, украшенный рельефной пальметой. Известняк. Высота 22,50 см.

Рис. 3. Айртам. Фигурка кушанского типа с сосудом в левой руке. Терракота.

ключалось в расчистке восточного фасада, что дало возможность выяснить план айвана этого здания, и в раскопке водоема, устроенного во дворе этого дворцового комплекса. Площадь водоема—70 кв. м при 2 м глубины.

Стенки его облицованы жженым кирпичом ($24 \times 24 \times 3,5$); дно состоит из четырех рядов такого же кирпича; по углам водоема—по три ступеньки. Под средней ступенькой в стену водоема вмазан большой хум, лежащий на боку и обращенный отверстием внутрь водоема. У северо-восточного угла водоема обнаружены гончарные трубы и параллельно с ними кирпичный лоток. Повидимому, вода поступала в водоем то через трубы, то по лотку.

При расчистке северного бокового павильона дворца были обнаружены декоративные стеклянные медальоны и их обломки, всего около 40 штук. Медальоны эти, неправильной овальной формы, от 5 до 7 см в диаметре, от 2 до 5 мм толщины, отлиты из зеленого или красноватого стекла. На их лицевой стороне имеются рельефные изображения, относящиеся к восьми различным сюжетам: 1. Восьмилепестная розетка в двойном круге, состоящем из валика и ряда тесно посаженных перлов. 2. Медальон с надписью кufическим почерком, вокруг букв и по концам—растительный орнамент; надпись, не вполне четкая, читается как «царь» или «царство». 3. Посередине медальона бегущее влево животное, вокруг—арабская надпись, гласящая в переводе: «для величайшего султана Абуль Музафар Бахрам шаха». Надпись эта может быть отнесена или к правителю Газны Емин ад-даула Бахрам шаху ибн Масуд ибн Ибрагиму (1118—

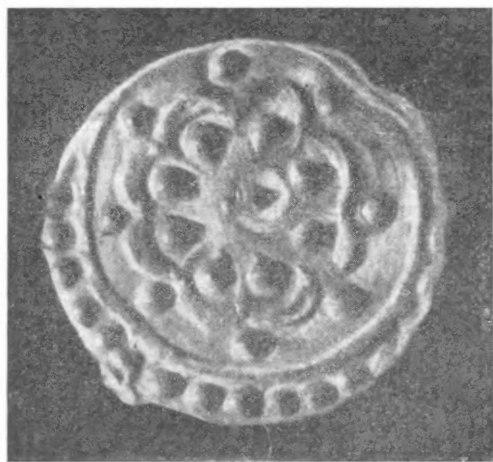

Рис. 4. Старый Термез. Стекланный медальон—восьмилепестная розетка.

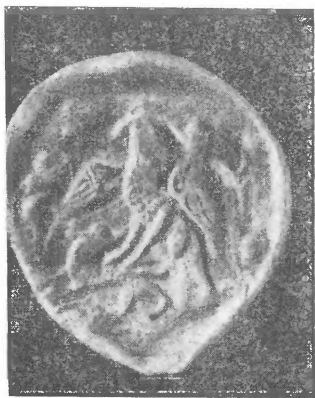

Рис. 5. Старый Термез. Стекланный медальон—хищная птица, держащая в лапах животное.

Рис. 6. Старый Термез. Всадник, держащий в левой поднятой руке ловчую птицу. На голове всадника—корона, вокруг—нимб.

1157 гг. н. э.) или к Бахрам шаху, сыну Имад аддина, правителю Термеза в 1205 г. н. э.¹ 4. Хищная птица, терзающая какое-то небольшое животное. 5. Хищная птица, держащая в лапах животное. 6. Лев в кругу. 7. Женщина, стоящая возле коня. 8. Всадник верхом на коне; в правой руке—поводья, на левой, приподнятой кверху,—ловчая птица; на голове всадника корона, вокруг головы нимб (рис. 4, 5, 6).

Некоторые из этих изображений, как, например, хищная птица, терзающая животное, другая птица, держащая животное в лапах, и всадник с ловчей птицей, близки по сюжету к изображениям, воспроизведенным на древних восточных металлических изделиях, найденных в Приуралье¹.

Перед одним из отрядов (П. И. Князева) Термезской комплексной экспедиции 1938 г. была поставлена задача произвести предварительное обследование участка городища, который привлек внимание скоплениями кусков металла и большим количеством золотых пятен. Подъемный материал и современный микрорельеф, выявляющий остатки построек, существовавших на участке, дали основание видеть в нем квартал ремесленников-металлистов древнего Термеза. В пределах этого же квартала на отдельных небольших участках в подъемном материале встречаются керамические и стекольные шлаки, брак стекольного и керамического производства, что дает основание предполагать существование в квартале металлостроителей отдельных керамических и стекольных мастерских. Расположенный в полукилометре от северо-восточного угла цитадели квартал металлостроителей занимает участок величиною около 8 га, на котором прослеживаются остатки оплывших сырцовых зданий, улицы, площади и, повидимому, водоемы. Бо-

¹ Перевод и объяснение надписей сделаны В. Д. Жуковым.

И. А. Орбели и К. В. Тревер, Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 39, 31 и 40; Я. И. Смирнов, Восточное серебро. Спб., 1909, т. LIX, 88; LXXXVII, 157; LXXXIX, 160; XCI, рис. 24, 25, 28; XC, 161, 162.

лее четко выделяются две улицы, идущие одна вдоль восточной и другая вдоль южной границы квартала. Восточная улица отграничивает квартал от другого участка городища, на котором в подъемном материале обнаружено большое количество керамических шлаков, керамический брак и орудия керамического производства, на основании чего этот участок определяется как квартал гончаров. На квартале металлостов мощностъ культурных остатков достигает 5 м (рис. 7). Верхние наслоения на глубину до 1,5 м, судя по керамике, монетам и другим находкам, относятся к XI—XIII вв. н. э., а нижние—к эпохе кушанов.

Как на поверхности, так и в раскопке обнаружено большое количество кусков металла более или менее правильной ладошкообразной формы, весом от 0,5 до 5 кг. Исследованием установлено, что это крицы сыродутого железа, служившие производственным сырьем для ремесленников — металлостов древнего Термеза. В числе железных изделий, обнаруженных при раскопках квартала, преобладают костыли, арбяные гвозди, наконечники копья и т. п. Обнаруженные в верхних наслоениях обломки плавильных тиглей, не свойственных черной металлургии, куски сплавов и полиметаллической руды, а также обломки медных изделий указывают на существование, наряду с кузнечными мастерскими, мастерских, работавших по меди. Также несомненно существование в этом квартале ювелирных мастерских, что подтверждается находками специальных очажков, употреблявшихся в ювелирном производстве. На площади раскопа вскрыто несколько помещений, из которых три—повидимому, торговые, типа айвана, с одной стороны, открытой к улице; размер этих помещений 2—2,5 × 2—2,5 м. Сзади торговых помещений располагались производственные, где найдены остатки горнов, крицы железа, поделки и обломки железных изделий и т. п.

Другие помещения, связанные с производственными, служили, скорее всего, для жилья подмастерьев и рабочих. Под торговыми помещениями обнаружены остатки тазара, сложенного из обожженного кирпича.

Все эти помещения, судя по керамике и другим находкам, относятся к XI—XII вв. н. э. В нижних слоях, глубже 1,5 м от поверхности, обнаружены керамика, монеты и другие находки, датируемые первыми веками н. э., а наряду с ними такие же крицы сыродутого железа, как и в верхних слоях, такой же ладошкообразной формы и также различного веса.

Полученные материалы свидетельствуют, что на исследованном участке производство существовало исключительно долгий срок—в течение 10—12 веков, что в Термезе XI—XII вв. процветали гончарное, кузнечное дело, ювелирное ремесло, стекольное производство и производство изделий из меди и что, судя

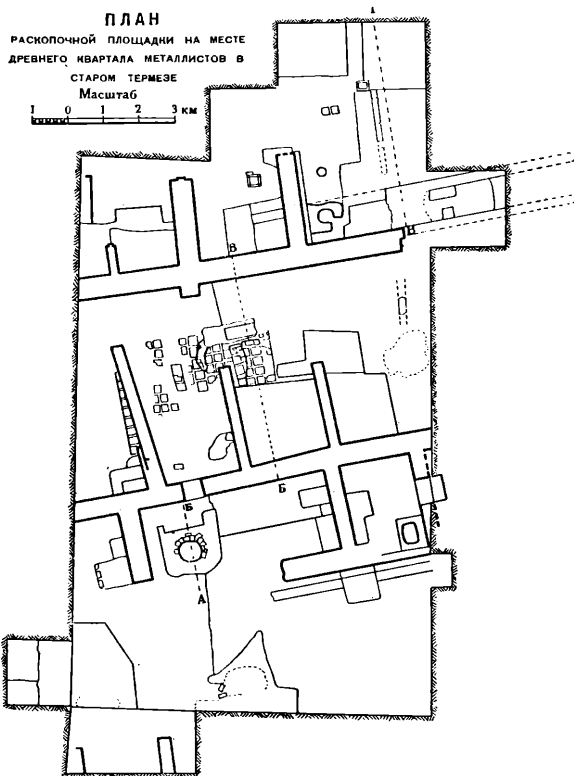

Рис. 7. Старый Термез. План раскопа на квартале металлостов.

по крицам, техника выплавки железа в первых веках н. э. и в XI—XII вв. была одинакова.

Отдельный отряд Термезской экспедиции (Д. Д. Букинич) обследовал в 1937 г. древние оросительные системы в пределах Термезского района по реке Сурхан-Дарье от впадения ее в Аму-Дарью до Джар-Кургана, на юго-восток—до Айртама и на юго-запад—до развалин Старого Термеза. На правобережье Сурхан-Дарьи обнаружены остатки древних головных сооружений и каналов, один из которых, начинавшийся у кишлака Салават, повидимому, орошал территорию Старого Термеза. На левобережье в средней части Сурхан-Дарьи отмечены следы крупных оросительных каналов, идущих в юго-восточном направлении, т. е. в направлении к городищу Айртам; не подлежит сомнению, что при посредстве этих каналов вода подавалась на Айртам, у которого также имеются следы оросительного канала с направлением на северо-северо-запад, как бы навстречу остаткам каналов, берущих начало из реки Сурхан-Дарьи. Результаты исследования оросительных сооружений—керамические материалы, собранные на исследованном участке и с городища Айртам, дают основание утверждать, что в середине I тысячелетия н. э. ирригационные сооружения левобережья Сурхан-Дарьи, требовавшие для своего сохранения и поддержания применения массового организованного труда, приходят в упадок, в связи с чем замирает жизнь Айртама и других населенных пунктов левобережья.

II

С у р х а н - Д а р ь и н с к а я э к с п е д и ц и я, совместная с ИИМК АН СССР, под руководством А. П. Окладникова производила археологические исследования в Байсунском районе УзССР, в 18 км к северо-западу от районного центра, близ кишлака Мачай. В 1938 г. в гроте Тешик-Таш была вскрыта палеолитическая стоянка с инвентарем классического Мустье: дисковидные нуклеусы, ручные рубила, остроконечники на треугольных пластинах, грубые массивные скребла, наковаленки и т. п. Здесь же было обнаружено погребение ребенка 8—9 лет, типичного неандертальца. Исключительное научное значение этой находки получило уже свое освещение в ряде докладов и заметок¹, поэтому мы остановимся на работах 1939 г. Экспедицией была произведена тщательная разведка в районе селения Байсун и между Байсуном и кишл. Мачай. В результате разведки были обнаружены новые памятники материальной культуры, в том числе относящиеся к каменному периоду.

В гроте Об-Ангор вскрыты остатки древнего металлургического производства—шлаки и плавильная печь в виде сосуда высотой до двух метров с отверстиями в стенках для нагнетания воздуха. Здесь же найдены обломки керамики X—XI вв. н. э. В пещере, расположенной в ущелье Курган-Дара, под наносами гальки вскрыты два культурных слоя, разделенные галечной прослойкой, состоящие из угольно-зольных скоплений, остатков костей животных и кремней со следами обработки. Характер обработки позволяет отнести эту пещеру к убежищам человека каменного века. В районе кишлака Мачай в гроте Амир-Темир, который был открыт и первично разведан еще в 1938 г., был заложен раскоп площадью в 40 кв. м, давший остатки трех культурных слоев. Верхние относятся к эпохе позднего железа, средние—к неолиту и нижние—к палеолиту. В нижних слоях обнаружены типично мустьерские орудия, очень схожие с тешик-ташкентскими: ручное рубило, дисковидный нуклеус, скребло и т. п. В гроте Тешик-Таш были закончены раскопки 1938 г.: была раскопана верхняя площадка грота и контрольный останец нижней площадки, оставленный при работах 1938 г. Так же

¹ А. П. Окладников, Находка неандертальца в Узбекистане. ВДИ, 1939, № 1; Г. Ф. Дебец, О черепе из Тешикташской пещеры. «Краткие сообщения ИИМК», 1939, № 2; A. H r d l i c k a, Important paleolithic find in Central Asia. «Science», 1939, sept. 29, vol. 90, № 2335; А. П. Окладников, Мустьерская стоянка в гроте Тешик-Таш в Узбекистане. «Краткие сообщения ИИМК», 1939, № 2; М. Г р е м я ц к и й, Новый успех советской науки. «Безбожник», 1939, № 11; А. П. Окладников, Первобытный человек Узбекистана. «Наука и жизнь», 1940, № 1.

как и предшествующими раскопками, здесь обнаружены характерные орудия типа Мустье: дисковидные нуклеусы, скребки, пластины и т. п. Останавливают внимание крупная пластина около 20 см длины и остроконечник, по характеру обработки приближающийся к мустьерским остроконечникам из пещер Палестины, обработанный с брющка. К востоку от Байсуна в ущелье, отходящем от Темир-Ульде, выявлены следы стоянки каменного века, где в углисто-зольном слое установлены отбросы производства каменных орудий и кости диких животных. Таким образом, двухлетние работы этой экспедиции обнаружили ряд памятников материальной культуры, относящихся в основном к различным стадиям первобытно-коммунистического общества, данные о наличии и периодизации которого на территории Узбекистана отсутствовали до проведения этих работ.

III

Зеравшанская экспедиция, под руководством В. А. Шишкина, совместно с Музеем искусств Узбекистана, производила рекогносцировочное обследование и раскопки к северо-западу от гор. Бухары, в пустыне Кызыл-Кумы, на местности, непосредственно прилегающей к современной культурной полосе Бухарского оазиса. Обследованный участок, площадью около 500 кв. км, изобилует развалинами древних

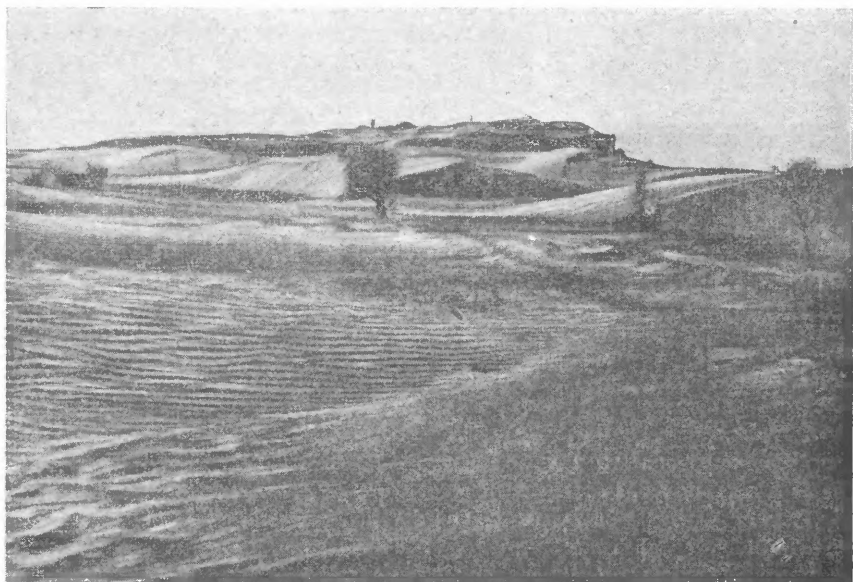

Рис. 8. Городище Баш-тепе в Кызыл-Кумах.

поселений, замков, остатками валов и арыков и большим количеством подъемного материала. Развалины древних поселений и замков, построенные из сырцового кирпича или пахсы, представляют в настоящее время холмы (тепе) различной формы, оплывшие под влиянием атмосферных осадков, сглаженные ветром и сыпучими песками, которые покрыли значительную часть этой местности. Осмотренные тепе достигают размера от нескольких сот квадратных метров до 2,5 га. Значительно превышают эти размеры развалины городища Варахша, арк и шахристан которого занимают площадь в 10 га. На крайнем западном участке обследованной территории, удаленном вглубь пустыни на 35—40 км от границы оазиса, расположено несколько тепе (Баш-тепе, Урта-тепе, Аяк-тепе и другие), остатки арыков и оплывшие развалины глинобитных зданий. Как и на остальной обследованной территории, на этом участке встречается много подъемного материала, который, однако, отличается чертами глубокой древности по срав-

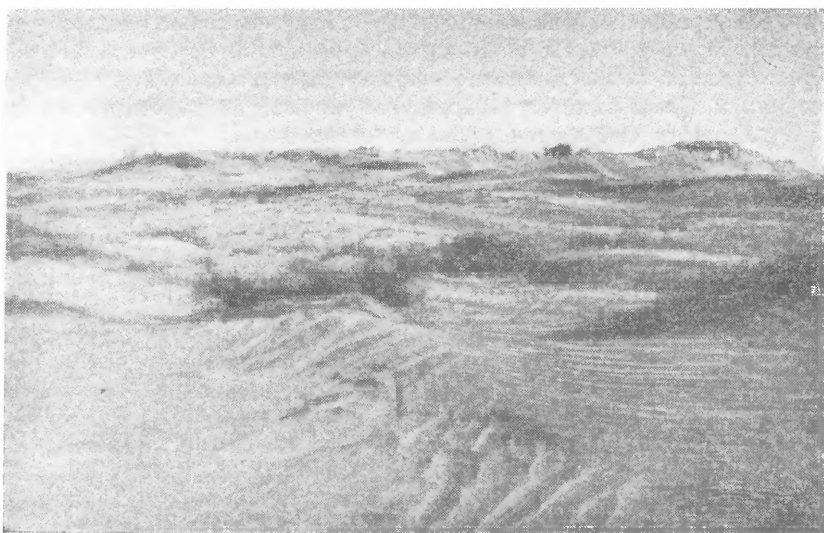

Рис. 9. Общий вид городища Варазша.

*Рис. 10. Образцы резного штука из дворца булар-ху-
датов на городище Варазша.*

Рис. 11. Образцы разного "штука" из дворца бухар-худатов на городище Варахша.

нению с материалом, собранным с участков, расположенных ближе к современной границе Бухарского оазиса. В районе Баш-тепе, Аяк-тепе встречается тонкостенная керамика, сделанная на гончарном круге из тонкой отмученной глины сильного обжига, покрытая нередко красным ангобом со следами сплошного или частичного лощения, иногда с штампованным орнаментом. Наряду с этой керамикой попадаются бронзовые втульчатые трехгранные наконечники стрел позднего скифского типа. Характерно для этого участка отсутствие поливных изделий, стекла и жженого кирпича (рис. 8).

Те́пе, расположенные ближе к оазису (Дингиль-тепе, Катта-ходжа-ишан, Варахша и др.), дают подъемный материал VIII—XII вв. н. э., а некоторые, по большей части находящиеся в непосредственной близости к оазису, и по архитектурным сооружениям, сохранившимся на них, и по подъемному материалу относятся к XVI—XVIII вв. н. э. Стационарные раскопки были развернуты на городище Варахша (рис. 9), которое являлось одной из резиденций правителей страны, бухархудатов; оно расположено в 12 км к западу от границы современного оазиса в песках. Исследование микрорельефа, отражающего до некоторой степени планировку древнего города, позволило выделить цитадель, шахристан и рабады, примыкавшие к шахристану с южной стороны. Раскопки были сосредоточены на развалинах большого здания, расположенного с западной стороны цитадели, которое может быть датировано, по археологическим данным, IV—V вв. н. э. Здание это сложено из крупного сырцового кирпича, размером $42 \times 28 \times 10$ см, на глиняном растворе. Вскрыто и изучено шесть комнат здания. В завалах строительного мусора, которым заполнена одна из комнат, обнаружено большое количество фрагментов резного штука, отличающегося разнообразием орнаментальных мотивов и различной техникой выполнения. Во-первых, это плоскостная низкая резьба, состоящая, в основном, из геометрического и стилизованного растительного орнамента—спирали, меандры, розетки, пальметки, ромбовидные и крестообразные сочетания геометрического узора; во-вторых, встречается высокий горельеф, переходящий в объемную скульптуру. В нем даны изображения иной тематики и реалистической трактовки: птицы, рыбы, фантастические существа, крылатый конь, птица с женской головой и грудью, мужской торс, фрагменты человеческих фигур, головы, ноги, часть руки с круглым щитом, стволы больших деревьев с ветвями и вырезанными листьями¹ (рис. 10—11), внизу завала среди фрагментов посуды обнаружены железные трехгранные наконечники стрел. В центральной части раскопана большая комната с широкими суфа (глинобитными лежанками) вдоль стен и круглой суфа в центре комнаты. На стене этой комнаты обнаружены уникальные росписи по глиняной штукатурке клеевыми красками. Стена по горизонтали разделена на две части слегка выступающим карнизом. Над карнизом на ярком красно-охристом фоне изображен ряд животных, идущих влево,— олень, тигр, пантера, конь; верхние части изображений не сохранились. Ниже карниза нарисованы сцены охоты; на белых слонах впереди сидят погонщики, одетые в короткие штаны и плащи, сзади их— охотники с копьями и луками; слоны убраны богато разукрашенными попонами и сбруей. В одной сцене охотник поражает копьем бросившегося на него с открытой пастью льва, в другой—охотник стреляет из лука в грифона. Лев написан оранжево-желтой, а грифон белой краской; контуры фигур обведены коричневой и черной краской; живопись плоскостная, тени и перспектива отсутствуют, однако уверенный и твердый рисунок и смелый мазок обнаруживают руку опытного мастера. Краски сохранили свою свежесть и яркость, но многие части изображений человеческих фигур уничтожены, повидимому сознательно, еще в древности. Это здание, богато отделанное штукатуром и росписями, В. А. Шишкин отождествляет с дворцом бухархудатов, описание которого приводит историк X в. Мухамед Наршахи, сообщающий, что дворец, построенный за 1 000 лет до его времени, неоднократно разрушался и восстанавливался².

¹ В. А. Шишкин, Новые данные по искусству Согдианы. «Искусство», 1939, № 5.

² М. Наршахи, История Бухары, перев. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 26.

Одновременно с раскопками дворца экспедицией на территории городища были заложены разведочные шурфы, которые дали в нижних слоях керамику и другие находки, относящиеся приблизительно ко времени до нашей эры, сходные с материалами Баш-тепе, Аяк-тепе. Все эти археологические данные позволяют утверждать, что обследованная территория еще до начала нашей эры жила интенсивной жизнью, связанной с искусственным орошением, и что на крайних западных участках древняя культура начинает угасать около начала нашей эры, тогда как более восточные участки, лежавшие выше по ирригационной системе, ближе к питающей водной артерии—реке Зеравшану, продолжали свое существование до VIII—XII вв., а некоторые даже до XVI—XVIII вв.

IV

Я н г и - Ю л ь с к а я э к с п е д и ц и я (руководитель Г. В. Григорьев), продолжала исследования городища Каунчи-тепе, отчеты о котором недавно вышли из печати¹. Одновременно ею производились раскопки курганов, расположенных вблизи городища. Эта курганная группа, насчитывающая около тысячи курганов, тянется на несколько километров по водоразделу между рекой Чирчиком и Боз-Су вдоль арыка Джун. Курганы—различной величины, от 0,40 до 5 м высоты и от 8 до 30 м в диаметре. По форме это или плоские, сильно оплывшие, или конусообразные, с крутыми боками насыпи. Всего было вскрыто 12 курганов, относящихся, судя по погребальному инвентарю и ритуалу, к трем различным эпохам.

В одном из вскрытых курганов обнаружено типичное скорченное погребение (рис. 12). Курган—сильно оплывший, плоский, высотой около 0,50 м, диаметром 8 м. Захоронение, детское, обнаружено на глубине 0,80 м от материка в овальной яме размером 1 м длины, 0,65 м ширины, 0,30 м глубины, головой на В-Ю-В.

Костяк лежит на правом боку, руки согнуты в локтях, кисти подложены под голову, на ступнях ног—следы лиловато-красной краски. В головах—плоскодонный широкогорлый сосуд с слегка отогнутым венчиком и небольшой закраинкой у дна, сработанный без гончарного круга; обжиг сосуда слабый, цвет глины красновато-коричневый с известковыми вкраплениями. Высота сосуда 12, диаметр горла 13,5, дна 9 см. Ритуал погребения, техника выработки и форма сосуда, единственной вещи, обнаруженной в погребении, позволяют отнести этот курган к эпохе поздней бронзы. Курганные погребения этого типа хорошо известны в южной части РСФСР и на Украине, но на территории Узбекистана это первый случай научного вскрытия подобного погребения.

Другой тип погребения представлен тоже одним курганом, в котором обнаружено коллективное погребение (рис. 13). Костяки лежат на спине, руки вытянуты вдоль туловища, ноги сильно раскинуты в стороны, почему можно предположить, что первоначально они были согнуты в коленях и приподняты вверх. При костяках обнаружены сосуды, отличающиеся и по форме и по выделке от обнаруженного в вышеописанном кургане. Здесь мы видим специализированные формы: узкогорлые сосуды с одной ручкой или без ручки, плоские миски и кружки, приближающиеся к грушевидной форме. Ручки кружек нередко сделаны в виде фигурок баранчиков. Все сосуды сде-

Рис. 12. Скорченное погребение эпохи поздней бронзы.

¹ Г. В. Григорьев, Каунчи-тепе. Ташкент, 1940.

ланы без гончарного круга, но хорошего обжига, дающего однотонный желтый цвет; некоторые сосуды, например кружки, покрыты снаружи красным ангобом. Этого типа посуда встречается в большом количестве на городище Каунчи-тепе, в том слое, который Г. В. Григорьев относит к середине I тысячелетия до н. э.¹

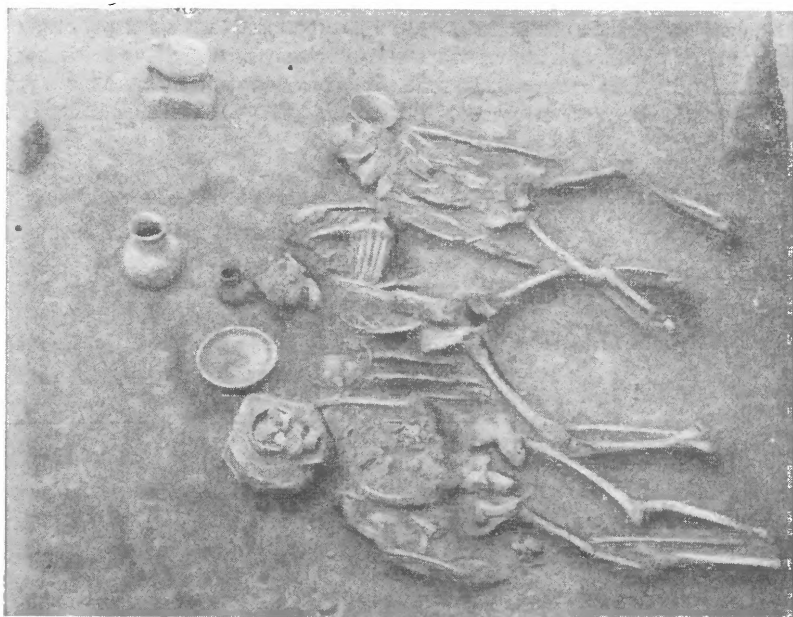

Рис. 17. Коллективное погребение последних веков до н. э.

Остальные раскопанные курганы относятся к одной культуре, к одному погребальному ритуалу. Погребения совершались в катакомбах, пол которых находится на глубине 2,5—3,5 м от уровня окружающей поверхности земли. Средний размер катакомбы—2,5 м длины, 1,5 м ширины и 1,5 м высоты. В плане катакомбы—прямоугольные,

Рис. 14. Бронзовое зеркало из катакомбного погребения III—IV вв.

со сводчатым потолком. С поверхности земли в катакомбу проведен постепенно понижающийся дромос; длина его—от 3,85 до 5 м, ширина в верхней части—от 1,50 до 1,90 м; приблизительно на глубине 1,50 м вдоль длинной, а иногда и вдоль поперечной стенок дромоса оставлен один или два уступа в виде ступенек шириной около 0,40—0,70 м, которые соответственно уменьшают размеры дромоса. Из дромоса в его нижнем углу прорыт лаз в катакомбу. Лаз—высотой около 0,80 м, шириной до 1 м и глубиной около 0,50 м. Иногда лаз бывает заложен сырцовым кирпичом размером 36×36×8 см, сложенным на глиняном растворе с толстыми швами в 2—3 см. Катакомбы обычно вырыты так, что длинная ось их перпендикулярна длинной оси дромоса. Основная ориентировка стен катакомб—по

странам света, причем длинные стороны их обращены на В. и З. Погребения в катакомбах по большей части парные—мужское и женское. Костяки лежат на

¹ Г. В. Григорьев, Отчет об археологической разведке в Янги-Юльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935, стр. 39.

спине, в вытянутом положении, головами на С. Погребальный инвентарь следующий. Оружие: мечи железные, прямые, обоюдоострые, с узким стержнем на конце для деревянной рукоятки; длина лезвия—около 0,80—0,90 м, стержня для рукоятки—0,10—0,13 м, ширина меча—около 4 см; кинжалы железные обоюдоострые, очень массивные, длиной от 15 до 20 см, шириной около 4 см; на мечах и кинжалах сохранились остатки деревянных ножен; стрелы железные трехперые с черенком величиной до 8 см и, наконец, костяные обкладки луков. Все эти предметы вооружения сопровождали мужские костяки. При женских костяках находились: бронзовое зеркало с черенком для боковой ручки (рис. 14), наверху костяного гребня, украшенное резными головками коня,

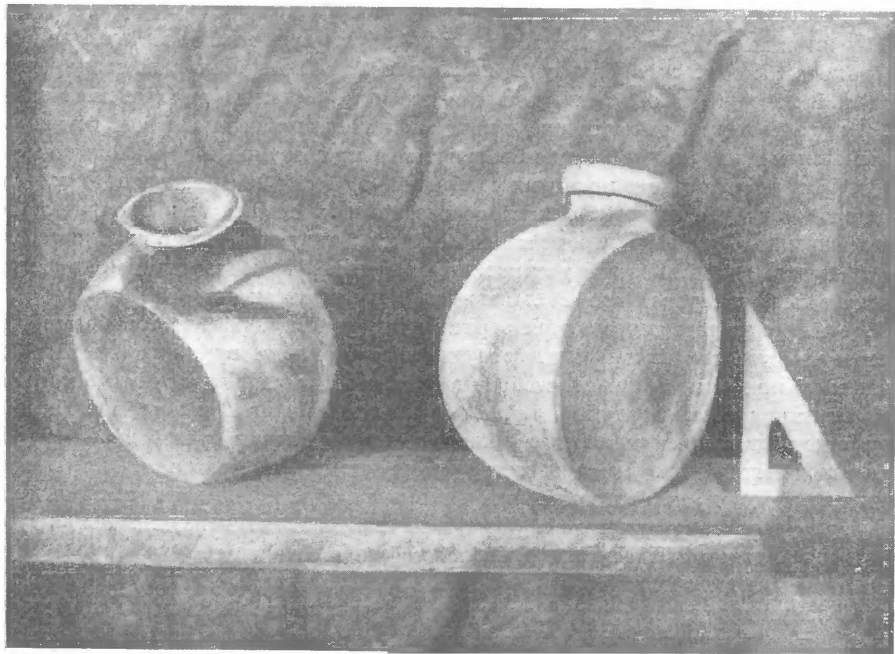

Рис. 15. Выючные, с плоским боком, фляги из катакомбного погребения.

бронзовая арбалетовидная фибула, перстни железные и бронзовые с глазком, бронзовый бубенчик, бронзовые проволочные серьги, круглая буса синего стекла и т. п. Из бытовых предметов следует отметить: железные ножи небольшого размера с толстым обушком размером 8—10 см и глиняные сосуды—кувшины с одной ручкой или без ручек и так наз. мустахара, выючные фляги с одним плоским боком. Вся посуда сделана на гончарном круге сильного обжига; на мустахара следы раскраски в виде потеков лиловато-красной краски (рис. 15).

Характер погребального инвентаря и, в частности, мечи, наконечники стрел, кинжалы, фибула и др. дают основание датировать эти курганные погребения III—IV вв. н. э.

V

Крупнейшая экспедиция (руков. М. Е. Массон) была проведена в 1939 г. в виде археологического надзора на строительстве большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Фергана, богатейшая по своим природным условиям область Средней Азии, хорошо известная своим богатством древним китайским авторам под наименованием Давань, до 1939 г. почти не была исследована в археологическом отношении. Здесь производил небольшие раскопки в 1885 г. Н. И. Веселовский и в 1933—1934 гг. работала экспедиция ГАИМК, они охватили обследованием самую незначительную часть

области. К тому же результаты этих работ в большей их части остались неопубликованными. При таких крайне незначительных сведениях по археологии Ферганской области организация больших работ представляла исключительный интерес. Археологический надзор был установлен на трассе канала протяжением 270 км и проводился в течение 1½ месяцев экспедицией в составе 33 научных и технических сотрудников. Канал прорезал Ферганскую область из конца в конец, от Уч-Кургана до Канибадама. В сторону от трассы канала были произведены многочисленные выезды, которые покрыли большую часть области густой сетью рекогносцировочных маршрутов. Выемка для канала, достигавшая на некоторых участках 30 м ширины и 18 м глубины, прорезала несколько городищ, селищ, могильников и другие памятники, которые дали богатейший археологический материал.

Строители канала—колхозники Ферганы—доставили большое количество отдельных находок; кроме того, большой материал собран во время рекогносцировочных поездок. В массе своей этот материал относится ко времени до арабского завоевания. Нумизматические находки, среди которых находятся монеты ранее неизвестные, начинаются медной монетой греко-бактрийского правителя Гелиокла середины II в. до н. э.¹ Научное значение монетных материалов особенно повышается потому, что они непосредственно увязываются с археологическими комплексами и с определенными географическими пунктами. Среди массы вещевых материалов четко выделяется древний комплекс, который имеет распространение по всей обследованной территории и должен быть датирован второй половиной I тысячелетия до н. э.

В этом комплексе встречаются зернотерки, грубая керамика, сработанная без гончарного круга, кувшинообразные сосуды, плоские миски, кружки с ручками в виде баранчиков, покрытые красным ангобом, посуда с процарапанным орнаментом и с лощением, каменные песты и ступки, каменные шлифованные острия, подобные тем, которые до недавнего времени употреблялись для сурмления бровей и ресниц. Интересны находки глиняных узкогорлых сосудов, в горлышко которых помещены глиняные изделия со сквозным отверстием в виде биконической пряслицы, возможно использовавшиеся в качестве светильников. Останавливают внимание исключительная густота распространения археологических памятников этого типа на обследованной территории и большая протяженность культурных слоев древних поселений. Помимо городищ, затронутых трассой канала, только в непосредственной близости к нему взята на учет 92 городища; от современного селения Лугумбек и расположенной около него древней крепости того же названия сплошной культурный слой тянется на 8 км до селения Тюячи. Эти факты подтверждают свидетельства древних китайских источников о богатстве и развитой земледельческой культуре Давани. Маршрутные выезды к северу от канала в пески Кудук-Кум, лежащие в центре Ферганской области, обнаружили там многочисленные остатки древних поселений, подъемный материал с которых может быть датирован концом I тысячелетия до н. э. и первыми веками н. э.

VI

Большие систематические исследования производились ИИМК АН СССР совместно с Узкомстарисом и другими научно-исследовательскими учреждениями на территории древнего Хорезма в пределах Узбекистана, Кара-Калпакии и Туркмении. Сведения об этих исследованиях появились уже в печати². Здесь мы остановимся только на одном факте. Работы этой экспедиции устанавливают, что остатки древнейших поселений, с находками эллинистического и кушанского времени, обычно расположены глубоко

¹ М. Е. М а с с о н, Экспедиция археологического надзора на строительство Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. «Краткие сообщения ИИМК», вып. IV, 1940 г.

² С. П. Т о л с т о в, Древние хорезмские памятники в Кара-Калпакии. ВДИ, № 3; «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК АН». 1939, вып. I; С. П. Т о л с т о в, Монеты шахов древнего Хорезма, ВДИ, 1938, № 4 (5); Е г о ж е, Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, 1938, № 1(2).

в песках: на левобережье реки Аму-Дарья—в Кара-Кумах, а на правобережье—в Кызыл-Кумах, иногда на расстоянии свыше ста километров от границы современного оазиса, на заброшенных системах древнего орошения. На этих памятниках отсутствуют находки позднейших эпох, которые наблюдаются ближе к границе современного оазиса, где они встречаются наряду с памятниками эллинистического и кушанского времени. Это дает основание утверждать, что древние ирригационные системы, располагавшиеся по обоим берегам Аму-Дарьи в пределах Хорезмского оазиса, начинают приходить в упадок в своих хвостовых частях в первые века н. э.

Подобное явление мы наблюдаем и на западной окраине Бухарского оазиса, орошавшейся ирригационной системой реки Зеравшана (обследование Зеравшанской экспедиции), и в районе реки Сурхан-Дарья—Айртама—по работам Термезской экспедиции, и в бассейне реки Сыр-Дарья, в центральной части Ферганы, разведанной экспедицией по археологическому надзору на Большом Ферганском канале.

Таким образом, на основе материалов археологических экспедиций устанавливается, что мощные ирригационные системы, существовавшие уже до нашей эры на территории современного Узбекистана, создание и поддержание которых немисливо без массового организованного труда, начинают приходить в упадок в первые века нашей эры. Явление это может быть объяснено только крупнейшими социальными потрясениями, вызванными распадом крупных государственных организмов рабовладельческой формации и развитием иной общественной формации. Раздробление больших государственных территорий, сопровождавшее установление феодального строя, служило, конечно, непреодолимым препятствием к сохранению больших оросительных сооружений.

Непосредственное исследование археологических памятников, связанных с проблемой развития и упадка рабовладельческого общества на территории Узбекистана—периода, слабо освещенного письменными источниками, является большим достижением работ 1937—1939 гг.

Другим положительным моментом в этих работах является открытие памятников неолита, совсем неизвестных до этого времени в Средней Азии. Наконец, необходимо отметить, что Хорезмской, Термезской и Ферганской экспедициями выявлены остатки неолита и бронзы, которые требуют тщательного стационарного исследования. Ведь до настоящего времени памятники бронзы Узбекистана совсем не были исследованы, а памятники неолита хотя и были изучены, но остаются неопубликованными, в результате чего два крупных периода в истории развития человеческого общества на территории Узбекистана остаются научно не освещенными.

М. Воронец

Неизданная греко-бактрийская тетрадрахма-медаль Антимаха I, битая в честь Евтидема I.

14 января 1928 г. служащий В. А. Литвиненко, проживающий в гор. Пенджикенте по ул. Коммунаров, 30, уступил мне монету-медаль Антимаха I и выдал официальное удостоверение, что монета найдена им лично в ноябре 1927 г., при вскопке там же своего огорода, почти на поверхности земли и очищена им «при помощи укусного раствора от налета и прочей грязи».

Эта монета-медаль была уже зарегистрирована в вып. III «Известий Средазком-стариса», по моим предварительным кратким данным, сообщенным М. Е. Массону, в статье его «Монетные находки в Средней Азии 1917—1927 гг.».

Вес—16, 568 г.

Диаметр 31,80—32,10 мм.

Толщина вертикально срезанных краев—от 1 до 2 мм. Кругок плоский.

Сохранность 3 (С').

А в е р с: Бюст Евтидема I вправо, без головного убора, с диадемой. Ободок из мелких точек. Левая треть ободка не вошла в поле. Рельеф высокий (до 2 мм).

Легенда: ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ перед лицом, ΘΕΟΥ сзади головы.

Изображение и надпись на аверсе почти тождественны с таковыми на монете-медали, битой Агафоклом в честь Евтидема I (см. каталог Британского музея, изд. 1886 г., табл. IV, 3)¹.

Р е в е р с: Геракл, сидящий на скале с палицей в правой руке, а левой упирающийся на сильно выдающийся уступ скалы, под которым монограмма .

Легенда: сзади—изображения ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ, спереди—ΑΝΤΙΜΑΧΟΥ, внизу под чертой—ΘΕΟΥ. Надпись вокруг типа, а равно и монограмма в точности копируют

таковые на реверсе монеты-медали, изображенной в приложении к указанному выше каталогу (XXX, 6), битой Антимахом I в честь Диодота I (но с другим типом, скопированным с тетрадрахм Диодота).

История кратковременного греко-бактрийского царства—крайне темная и мало выясненная в своих деталях. Хронология, последовательность царствований и локали-

Аверс.

Реверс.

зация их в смысле географического приурочения их царств к той или другой местности—весьма путанные и мало обоснованные. Многое приходится поневоле базировать только на нумизматическом материале вследствие отсутствия других памятников материальной культуры и письменных источников. Отсюда совершенно ясно, насколько находки редких, а тем более уникальных монет вообще, а монет-медалей в особенности, к коим относится и описываемая здесь монета-медаль, важны для истории этого особо интересного, культурного, по тому времени, царства.

Если в отношении крупнейших правителей Греко-Бактрии эпохи ее расцвета—Диодота, Евтидема, Деметрия, Евкратиды, Гелиокла, помимо нумизматического материала, мы располагаем и свидетельством ряда античных авторов, что дало возможность наметить основные вехи истории Греко-Бактрии от середины III до середины II в., иначе обстоит дело с историей ряда правителей, известных нам только по нумизматическим материалам. Найдено, правда, немного монет прекрасного стиля, не уступающих по своему художественному оформлению монетам династов главных линий, а именно: Евтидема II, Агафокла, Панталеона, Антимаха и Платона.

Где и когда царствовали эти владетели, оставившие нам свои художественные работы портреты, в какой последовательности они правили, каковы были их родственные взаимоотношения—все это вопросы крайне темные, на которые история не дает ответов, за исключением данных кроме нумизматического материала.

Перси Гарднер, соглашаясь с фон-Саллетом, главным образом по данным стиля монет, относит последних царей: Евтидема II, Панталеона, Агафокла и Антимаха I, ко времени царствования Евкратиды, т. е. к первой половине II в. до н. э., а царство их локализирует к югу от Паропамиса.

¹ Catalogue of Indian coins in the British Museum (=CBM). London, 1886.

Что же касается Платона, то, судя по дате на единственной дошедшей до нас тетрадрахме (147 г. селевкийской эры), он правил в 165 г. до н. э., и Гарднер предположительно считает его «афемерным противником Евкратиды или восставшим против него сатрапом»¹.

Остальных четырех царей П. Гарднер, руководствуясь типами и стилем их монет, а больше догадками, распределяет и группирует следующим порядком:

«Монеты младшего Евтидема—конечно, более поздние, чем монеты Деметрия, изображения которого они заимствуют. А потому не может быть оправданным сомнение в том, что этот царь был или младшим сыном Евтидема I, или же сыном Деметрия и внуком Евтидема II². С своей стороны полагаем, что так как Евтидем II почти точно воспроизводит тип реверса монет Деметрия, а не Евтидема I (стоящий *en face* молодой Геракл с его атрибутами), то несомненно, что это сын Деметрия (м. б., от дочери Антиоха III), а не его младший брат. Дату его правления Гарднер относит приблизительно к 170 г. до н. э. и ввиду особой редкости его монет царствование его считает не продолжительным.

Агафокл и Панталеон бьют свои монеты, особенно никелевые и бронзовые, почти идентичные и без собственных портретов³ (с головой молодого Вакха на аверсе), оба употребляют никель (так же как и Евтидем II) и применяют в легендах квадратный индийский алфавит. Находятся их монеты в Кабульской долине и в западном Пенджабе, а Агафокла—и в Кандагаре. Поэтому Гарднер считает, что эти цари находились в тесной связи между собой: были или братья, или отец и сын, причем, судя по портрету Панталеона (см. СВМ, табл. XXX, 4), он был старше Агафокла, а учитывая и исключительную редкость его монет, правил очень кратко временно (табл. III, 3 и 4 и табл. XXX, 4). Агафокл же правил более обширной территорией и более продолжительное время. Надобно попутно отметить, что монеты Евтидема II, Панталеона, Агафокла и Антимаха найдены и в бывшей Согдиане, к северу от Аму-Дарьи, правда, тоже в очень небольшом числе.

Специально интересующая нас личность Антимаха I является в то же время и наиболее темной. История не дает никаких данных ни о его происхождении и родстве, ни о месте и времени его царствования, ни о том, с кем он, видимо победоносно, воевал, и т. п. И если бы не наличие, правда в очень ограниченном количестве, его прекрасных, высококачественных монет и монет-медалей, то имя его рисковало вовсе исчезнуть со страниц истории. Поэтому все новые находки нумизматического порядка, вносящие новые штрихи в сокровищницу истории, особенно ценны для науки.

Рассмотрим имеющиеся в Британском музее монеты и медали этого царя.

Имеются три тетрадрахмы (табл. V, 1), одна драхма, одна демидрахма (табл. V, 2) и один обол (табл. V, 3). Кроме этого, в приложении к этому каталогу приведены две монеты: тетрадрахма-медаль, битая Антимахом Теосом в честь Диодота Сотера (табл. XXX, 6), и медная монета со слоном на аверсе и Никой на реверсе. Первая принадлежит А. Cunningham'у, а вторая Sir E. C. Bayley'ю. Повидимому, до 1886 г. других монет этого царя в научном обиходе не было.

В моем собрании имеются 4 обولا этого царя, найденные в Шахризбсе, и описанная здесь тетрадрахма-медаль. Все серебряные монеты биты по одному типу, а именно:

Н а а в е р с е: портретный бюст царя, изображающий пожилого человека с весьма экспрессивными чертами лица, в плаще, застегнутом какой-то пряжкой на правом плече, в крайне интересной шапке беретного типа, но с низкой тульей, от которой свешиваются концы диадемы. Ободок из мелких точек.

Н а р е в е р с е: изображение стоящего *en face* Посейдона с трезубцем в правой руке и с пальмовой веткой, перевитой лентой и зажатой подмышкой опущенной левой руки. От бороды и усов развешиваются в стороны две ленточки, производящие впечатление

¹ Перси Гарднер, Предисловие к СВМ, стр. XXVI. Монета эта является близким подражанием тетрадрахам Евкратиды, так же как и Тимарха Вавилонского (162 г. до н. э.).

² Там же, стр. XXVII.

³ На серебряных монетах они дают свои портреты.

ние громадных усов или подусников. Верхняя часть тела обнажена, нижняя прикрыта драпирующимся плащом (гиматием). Под ногами к концам трезубца—черта.

Легенда: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΘΕΟΥ с левой стороны и ΑΝΤΙΜΑΧΟΥ с правой руки Посейдона вдоль ручки трезубца.

Тетрадрахма-медаль, рисунок коей приведен в приложении к цитируемому СВМ (табл. XXX, 6), выпущенная Антиммахом I в честь Диодота¹, представляет собою следующее:

А в е р с: Бюст (портретный) Диодота с диадемой на непокрытой голове, от которой свисают вниз концы. Точечного ободка нет.

Л е г е н д а: Перед лицом—ΔΙΟΔΟΤΟ,
сзади бюста—ΣΩΤΗΡΟΣ.

Р е в е р с: Идущий влево голый безбородый Зевс с пучком молний в правой замахнувшейся руке и с эгидой на протянутой левой, под коей венок (в воздухе), а у левой ноги—сидящий орел. Под ногами—черта. Ободка нет.

Л е г е н д а: Перед фигурой Зевса—ΑΝΤΙΜΑΧΟΥ,
сзади фигуры—ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ,
под чертой—ΘΕΟΥ.

Монограмма сзади правой ноги .

Металл—серебро, вес и размеры не приведены. Исходя из чертежа, диаметр—от 31 до 33 мм.

Если ко всему этому добавить Куннингамовский халк с индийским слоном и Никой с пальмовой ветвью и венком и с той же легендой, то мы исчерпаем весь объективный материал, свидетельствующий об этом царе, каким располагала до 1886 г. наука.

В цитируемом нами каталоге в заголовке раздела с монетами Антиммаха значится «А н т и м а х ц а р ь И н д и и (наследник или победитель Диодота?)».

Перси Гарднер, указывая на наличие у серебряных монет Антиммаха I изображения Посейдона с трезубцем и пальмовой ветвью в руках, а на бронзовых—изображением Ники, богини победы, стоящей на корабле², видит ясное указание на морскую победу, одержанную этим царем. Но так как последний никаким морем не владел, то автору остается отнести эту победу к реке Инду с его мощными притоками, якобы посвященной греками во владение Посейдону.

Эта догадка нам кажется большой натяжкой и вызывает ряд сомнений.

Во-первых, Посейдон, как известно из мифологии,—бог морей и океанов и лишь косвенно всей водной стихии, в том числе и рек. Последние имели обычно своих самостоятельных богов, находившихся в зависимости от Посейдона. Представляется мало вероятным, чтобы греки особо посвятили Посейдону такую чужеземную и отдаленную реку, как Инд с его притоками, недавно ими завоеванный.

Во-вторых, мало вероятным является наличие как у туземных владетелей, так и у греков большой речной флотилии, без которой не могла произойти битва на Инде, так же как и победа греков. Нигде в истории не упоминается о чем-либо подобном, а равно и при описании переходов Александра Македонского через Инд и его притоки.

В-третьих, победителем Диодота I, да еще на Инде и его притоках, Антиммах никак быть не мог хотя бы уже потому, что Диодот к югу от Гиндукуша не правил и Пенджабом завладел в конце своего царствования только Евтидем I, и то, вероятно, через своего сына Деметрия. Если бы Антиммах и победил где-нибудь Диодота, то и тогда

¹ Принадлежащая к собранию E. C. Bayley'я.

² Надобно заметить, что в каталоге приводится только одна бронзовая монета, но на чем стоит Ника—этого, при всем желании, усмотреть нельзя, так как низ монеты сбит. Только при очень пылкой фантазии можно предположить намек на корабль. Других бронзовых монет этого типа он не указывает и не приводит.

факт выпуска победителем в честь своего побежденного врага медалей был бы совершенно неправдоподобен¹.

Не проще ли и вероятнее, чем прибегать к подобной мифической гипотезе, предположить, что Антиммах принадлежал к какому-нибудь знатному роду, жившему в одном из приморских городов Греции или Ионии, имевшему большие связи с морем и, может быть, ведшему свой род от Посейдона через какую-нибудь нимфу, им осчастливленную².

Возможно, что Антиммах не только происходил из морской семьи, жившей в приморском городе, но и сам в молодости был моряком, на что указывает его необычайный в нумизматике головной убор, напоминающий бескозырку современного моряка, а концы диадемы—ленты от последней (в СБМ этот убор назван *sausia*). Обычай ставить на типах своих монет изображения того или другого бога или полубога (героя) был довольно распространен в древности и не только у греков. Один из преемников Александра Македонского, а именно Антигон, изображал на своих монетах того же Посейдона³. Мы можем указать довольно большое число монет с Посейдоном и даже с трезубцем⁴. Из этого краткого обзора монет Антиммаха видно, что в результате они очень мало дают и разъясняют по части локализации этого династа во времени и пространстве. Обратимся поэтому в связи с новой находкой к нашему главному резерву—к двухименным монетам-медалям. В неоднократно цитируемом СБМ (1886) издана новая серия «величайшего значения монет», определяемых как монеты-медали. Их издано всего пять. Три—битые Агафоклом в честь своих предшественников: Александра, сына Филиппа, Диодота Сотера и Евтидема Теоса; эти монеты-медали и принадлежат Британскому музею. Кроме того, в приложении к каталогу публикуются еще две такого же типа тетрадрахмы-медали: четвертая, битая тем же Агафоклом в честь Антиоха Никатора, принадлежащая Ген. А. Куннингаму, и, наконец, пятая—Антиммаха I Теоса, битая в честь Диодота Сотера и принадлежащая Sir E. C. Bayley'ю.

Легенды на этих пяти тетрадрахмах-медалях следующие:

А вер с ы:	Р е в е р с ы:	Монограммы:
I. ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ ΤΟΥ ΦΙΛΙΠΠΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ ΑΓΑΘΟΚΛΕΟΥΣ		
СБМ, стр. 10, табл. IV, 1.	ΔΙΚΑΙΟΥ	
II. ΔΙΟΔΟΤΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ		
СБМ, стр. 10, табл. IV, 2.	Та же легенда	
III. ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ ΘΕΟΥ		
СБМ, стр. 10, табл. IV, 3.	Та же легенда	
IV. ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ		
СБМ, стр. 164, табл. XXX, 5.	Та же легенда	
V. ΔΙΟΔΟΤΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ	ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ ΘΕΟΥ	
СБМ, стр. 164, табл. XXX, 6.	ΑΝΤΙΜΑΧΟΥ	

Повидимому, этими монетами-медалями исчерпываются все известные в науке к моменту издания этого каталога, т. е. к 1886 г., иначе П. Гарднер в приложении

¹ Если же эту победу относить к местным правителям Индии, то мы рискуем попасть в непроходимые дебри фантазии.

² У Брокгауза и Ефрона в «Большой энциклопедии» (полutom 48) Н. О. (Н. Обнорский) пишет: «Посейдон состоял в брачном союзе со многими нимфами и считался родоначальником многих (преимущественно ионийских) фамилий» (стр. 661).

³ А. К. Марков, Древняя нумизматика, ч. II, стр. 122.

⁴ См. M. Hénin, Manuel de numismatique ancienne. Табл. XXII, 2 и 3, табл. XXVI, 4 и табл. XXIII, 3 и 4.

к последнему привел бы их как сравнительный материал. Можно добавить лишь к двум именным монетам-медалям выбитую Евкратидом, повидимому в честь своих родителей $\text{ΝΑΙΟΚΑΒΟΥΣ ΚΑΙ ΔΑΟΔΙΚΗΝ}$, но эту монету-медаль надо рассматривать отдельно как внутрисемейное дело этого царя.

Таким образом, к этой замечательной и уникальной серии из пяти монет-медалей должна быть прикомплектована и наша шестая монета-медаль, легенду которой мы для наглядности здесь повторим.

VI. ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ ΘΕΟΥ

ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ ΘΕΟΥ
ΑΝΤΙΜΑΧΟΥ

Ν

Все шесть этих двуименных тетрадрахм выполнены по одной системе, хотя и чеканены двумя царями: на аверсах высоким рельефом выбиты портреты предшественников с их именами и прозвищами, а на реверсах—типы, взятые с монет того царя, коему посвящается эта монета-медаль, и с надписью того царя, от которого она посвящается.

Исключением является монета-медаль в честь Антиоха Никатора, где тип реверса почему-то взят с монет Диодота, а не Антиоха. Вторая странность, допущенная при чеканке этой последней, заключается в том, что Антиоху придан титул-прозвище Никатор, тогда как все три царствовавшие до того Антиохии имели другие прозвища: первый назывался Сотером, второй—Теосом и третий—Мегасом. По этому поводу возникла целая научная дискуссия, повидимому до сего времени не законченная, причем П. Гарднер склоняется больше к Антиоху I¹.

Из описания этих монет-медалей видно, что издаваемая нами монета представляет собою комбинацию из трех экземпляров этого типа. Аверс взят целиком с портретом и надписью с медали Агафокла в честь Евтидема, и, повидимому, штамп резан тем же художником-медальером. Тип реверса (сидящий на скале Геракл) скопирован с тетрадрахм Евтидема I, а надпись на реверсе с монограммой включительно взята с монеты-медали того же Антимаха, но битой в честь Диодота.

В подлинности издаваемой монеты-медали не может быть никаких сомнений. Место и условия находки и личность нашедшего, его служебное положение и его точные показания, изложенные в письменной форме, вполне правдоподобны, включительно до очистки им помощью укусовой эссенции найденной монеты с уничтожением драгоценной для нумизмата патины.

Общий вид монеты, ее высокая художественность, чистота серебра, ее размеры, форма, тип и фактура, штампы, комбинированные из других однотипных монет,—все это весьма правдоподобно и не возбуждает никаких подозрений. Подделка такой монеты потребовала бы высокого специалиста-нумизмата и художника. Вес же, этот лучший показатель подлинности, вполне совпадает со стандартным весом аттических тетрадрахм и близок к средней его норме².

Если взять 45 тетрадрахм Британского музея (кроме варварских и полуварварских), то средний их вес определяется в 255, 52 грана, или в 16,557 г (при максимуме в 17,074 г и минимуме 15,604 г). Следовательно, вес нашей монеты (16,568) только на 0,011 г превышает средний вес. Если учесть стертость, поцарапанность, шербохатость и вообще изношенность, то вероятно, что вес ее при выпуске после чекана был близок к аттическому стандарту, т. е. к 17 граммам.

Заканчивая на этом объективное описание нашей монеты-медали и ее аналогов, попробуем сделать несколько выводов, заключений и предположений.

Не подлежит сомнению, что вышеописанная последняя серия нумизматических памятников относится к категории древних медалей-монет.

¹ Нам кажется, что ни к Антиоху I (281—261), ни к Антиоху II (250—247) Агафокл не имел никакого отношения и был отдален от них значительным промежуток времени. К Антиоху же III, находившемуся в дружбе и союзе с Евтидемом I и отдавшему в жены его сыну Деметрию свою дочь, от которой, м. б., и родился Агафокл, он имел прямое отношение, м. б., как к своему деду. Да и портрет Антиоха Никатора больше всего похож на монетный портрет Антиоха III Мегаса.

² Вес нормальной аттической драхмы—4,25 г, а тетрадрахмы—17 г.

В главе 26 своей «Древней нумизматики» покойный проф. А. К. Марков подробно рассматривает вопрос о медалях, битых в древности¹. «Нас не должно удивлять отсутствие в древних языках слова для передачи нашего понятия о медали. Причина этого заключалась в самом способе, к которому древние прибегали для увековечения событий. Вместо того чтобы выбивать, как обыкновенно делают теперь, для этого медаль, древние поступали гораздо практичнее. Они гравировали на ходячей монете тип и легенду, представляющие событие, которое хотели передать потомству, или же помещали на ней портрет лица, оказавшего какие-либо особые услуги обществу. Таким образом достигалась и большая распространенность сведений, которые хотели пропагандировать, и вместе с тем сохранялась у государства сумма, которую нужно было бы истратить на медали лица, заслужившего их выбитие в его честь»².

А. К. Марков признает, что «единственной медалью во всей серии древнегреческой автономной и царской монеты в теперешнем смысле этого слова является громадная золотая медаль Евкратиды, царя Бактрии II в. до н. э., Парижского мюнц-кабинета.

Ее величина и вес в 20 статеров золота, приравнивающие ее ценность 500 драхам серебра, кроме того некоторые особенности фабрикации убеждают нас в ее медальном характере. Ленорман полагает, что она была выбита по случаю разбития царем Бактрии войск Димитрия, царя Индии, в неравном бою, решившем судьбу Бактрии. Но следует заметить, что и лицевые и обратные стороны этой медали, а равно и легенда ее ничем не отличаются от обыкновенных драхм Евкратиды и ничем не напоминают медального характера этой монеты»³.

Как это ни странно, А. К. Марков, посвятивший отдельную главу медалям древности, ничего не упоминает о такой замечательной серии монет-медалей, как только что описанная нами; это тем более странно, что его «Древняя нумизматика» вышла в 1901—03 гг., а «Каталог Британского музея» — в 1886 г.!

Умолчание такого специалиста, как А. К. Марков (б. старший хранитель нумизмат. отд. Гос. Эрмитажа), особенно удивительно, так как еще в 1867 г. наш знаменитый ориенталист проф. В. В. Григорьев в своей работе «Кабулистан и Кафиристан» («Землеведение» К. Рихтера) писал: «До сих пор из двухименных монет известны: Диодотова с именем Агафокла, Диодотова с именем Антиаха Θεοσα, Евтидемова с именем Агафокла⁴ и Евкратидова с именем Гелиокла и Лаодики⁵. Они значительно улучшили хронологическое распределение монетных государей, но в географическом размещении до сих пор господствует полнейший произвол фантазии. Так, Агафокла, которого Бартоломей помещает в Бактрии, Конингем сажает в Кабулистан, Лассен в Бадахшан — и на верховья Инда, а Э. Томас — в Арахозию. Так, Антимак, которого Лассен вместе с другими сажал первоначально в Дрангиане, перемещен был потом тем же Лассеном в Согдиану, Вильсоном — к северу от земли гезарейцев и на запад от Балха, а по Конингему, он оказывается властвовавшим в восточном Кабулистане»⁶.

Повидимому, эти разногласия не изжиты учеными и до настоящего времени, несмотря на значительный прирост за этот промежуток времени фактического монетного и прочего материала.

Из приведенных слов В. Григорьева усматривается также, что уже в 1867 г. в научном обиходе находились три из пяти и приведенных нами здесь монет-медалей.

¹ А. К. Марков, Древняя нумизматика, СПб, 1901, часть II, стр. 209.

² Там же, стр. 210.

³ Такая же золотая монета Евкратиды в 20 статеров, по сообщению А. А. Семенова, находилась в нумизматической коллекции б. эмира бухарского. Судьба ее после революции неизвестна. О ее существовании знал, как мне говорил А. А. Ильин, А. К. Марков, но в литературе упоминаний об этом нет (М. Е. Массон, Монетные находки в Средней Азии, стр. 284).

⁴ В. В. Григорьев читает почему-то наоборот имена посвятителей и посвященных. Не мог Диодот чеканить медали в честь Агафокла, еще, вероятно, не родившегося в его время.

⁵ «Numismatic Chronicle», vol. II, стр. 184—186.

⁶ Там же, стр. XXIX.

П. Гарднер по единственной известной тогда монете-медали, битой Антиммахом в честь основателя греко-бактрийского царства Диодота, делает такой вывод: «возможно также, хотя это является более умозрительным утверждением, что Антиммах, о родстве которого у нас нет никаких сведений, принадлежал или по происхождению, или в каком-либо ином отношении к дому Диодота».

С находкой второго экземпляра подобной монеты-медали, битой тем же Антиммахом и по тому же методу, но уже в честь соперника и узурпатора династии Диодота, магнезийца Евтидема, «умозрительное утверждение» П. Гарднера должно быть в корне пересмотрено. Причислять Антиммаха ни к дому Диодота, ни к дому Евтидема нет никаких оснований. Одно не подлежит сомнению—что Антиммах был чем-то сильно обязан этим обоим своим предшественникам (а м. б., частью и современникам) по главной линии управления Бактрией¹. С известной долей вероятности возможно предположить, что Антиммах играл какую-то активную роль при последнем Диодоте и при смене династий, сумев угодить обеим сторонам и получить от них соответствующие компенсации. Здесь надобно отметить, что В. В. Григорьев в цитированной выше работе между прочим пишет: «последние открытия устанавливают, что Антиммах Θεος был современником Диодоту первому». В чем состояли эти «последние открытия» и как они обосновывают такой смелый вывод, он не поясняет, и в связи с последней нашей находкой мы позволили бы себе в этом усомниться. Тем не менее мы считаем, что с Диодотом Антиммах мог быть современником.

Очень важно решить вопрос: который из трех царей, бывших медали-монеты,—Антиммах, Евкратид или Агафокл—имеет право приоритета в этом новшестве, так и не нашедшем в дальнейшем себе подражателей. Мы считаем, что эту новую манеру бить мемориальные монеты нормального веса в честь своих предшественников впервые ввел Антиммах. ему подражал, только в узкосемейном аспекте, Евкратид, и последним занялся этим, уже в более широком масштабе, молодой Агафокл. Прямых и твердых оснований для такого вывода мы, конечно, привести не имеем возможности, но косвенные данные все-таки имеются. Оставляя пока Евкратида в стороне, рассмотрим вопрос: кто кому подражал—Агафокл Антиммаху или наоборот? Надобно отметить, что дело идет не только о подражании методу увековечения своих предшественников при помощи выбития медалей-монет, имеющих большой район распространения. Дело в том, что они сработаны настолько высокохудожественно, а портреты как Диодота, так и Евтидема на медалях Антиммаха и Агафокла настолько точно и близко копируют друг друга, что почти несомненным является предположение, что они сработаны одним мастером—гравером-художником, м. б. даже на одном монетном дворе. Это—с одной стороны. А с другой—судя по отличным монетным портретам Антиммаха и Агафокла, первый из них представляет мужчину пожилого, лет под сорок; второй, же—сравнительно молодой человек. Ясно, что такая смелая реформа в монетном деле скорее могла принадлежать человеку зрелого возраста, т. е. в данном случае Антиммаху. Кроме того, Агафокл допустил при чеканке медали в честь Антиоха два явных недоразумения: во-первых,

¹ После окончания настоящей статьи нам, благодаря любезности С. П. Толстова, стали известны выписки из сочинения В. В. Тарна «Греки в Индии и Бактрии» (W. W. Tarn, *The Greeks in Bactria and India*, Cambridge, 1938), относящиеся к Антиммаху и Евтидему I, вносящие новые домыслы в этот темный вопрос и, в частности, в родословную этих царей. Хотя обоснования этих домыслов крайне шатки и неубедительны, почти голословны, тем не менее о них нельзя не упомянуть для более широкого и всестороннего освещения этой исторической проблемы.

Прежде всего Тарн, на основании «родословной монеты», битой Антиммахом в честь Евтидема, считает Антиммаха вторым сыном Евтидема (повидимому, судя по замечке Тарна на стр. 448, монета-медал, подобная ныне публикуемой, была найдена одним индийским купцом и ныне она находится в Британском музее). С таким же основанием Антиммаха можно было бы зачислить в сыновья к Диодоту I, в честь которого им была выбита совершенно аналогичная «родословная монета». Далее, Тарн считает Антиммаха парем Маргианы, объединенной с землями, лежащими между Маргусом (Мургобом) и Ариусом (Герирудом), ссылаясь на определение Куннингама, якобы лучше всех знавшего происхождение и места находок монет. Подобное обоснование этой локализации без приведения более конкретных и убедительных доказательств мы считаем совершенно неприемлемым.

тип реверса он взял не антиховский (сидящий Аполлон со стрелой) и титул дал, не присвоенный ни одному из трех Антихов (Никатор), и тем вверх современных нумизматов в ожесточенную дискуссию. Кроме того, большинство историков-нумизматов относят Агафокла вместе с его (якобы) братом Панталеоном и с Евтидемом II к сыновьям Деметрия и его соправителям. Антимах же эти историки склонны датировать значительно раньше (конец Диодота—Евтидем I). На основании всего этого ясно, что подражателем Антимаху был, конечно, Агафокл, а не наоборот. Что же касается точности художественных копий типов (особенно портретов) на медалях этих двух царей, то этот факт можно объяснить тем, что для Антимаха резал штамп художник в молодом возрасте, а для Агафокла—тот же мастер, уже будучи стариком. Или же это можно объяснить хорошей преемственностью школы медальеров, что в греческой большой скульптуре обычно и имело место.

Еще более затруднительно установить область или страну, где правил Антимах I. Из вышеприведенной справки В. В. Григорьева видно, что выдающиеся ученые Запада—Лассен, Вильсон и Конингем—колеблются, куда поместить этого царя: в Дрангиану, или в Согдиану, на запад ли от Балха, или на восток Кабулистана... Из всех этих областей нам, как и Лассену, кажется наиболее вероятной Согдиана, и вот почему.

Новая медаль-монета Антимаха—Евтидему—найдена на территории древней Согдианы (Пенджикент). Имеющиеся у меня 4 обولا этого царя найдены у Шахриябса (75 км к югу от Самарканда). Далее, очень много варварских (сакских или даевских?) подражаний Евтидему I¹ находится в районе Самарканда и Бухары, т. е. на территории бывшей Согдианы, что локализует Евтидема I, м. б. до вступления его на бактрийский престол, как царя или сатрапа Согдианы.

К сожалению, ни в СБМ, ни в предисловии к нему не имеется указаний о местах находок ни монет, ни медалей. Эта «беспаспортность» значительно понижает свидетельские показания этих нумизматических памятников.

Мы хотим высказать еще одно смелое предположение, также, в значительной мере, «умозрительного» порядка. Получив во владение от Евтидема I, м. б. на договорных началах, Согдиану, Антимах в дальнейшем пожелал расширить свои владения за счет своих соседей хорезмийцев, которых и победил в решительной битве где-нибудь вблизи Аральского моря, которое с тех пор и вошло в его царство. Ничего невероятного мы в этом не видим. Хорезм еще со времен Александра Македонского был самостоятельным государством (Фарасман), находящимся в тесной культурной, а м. б. и политической, связи с Согдианой (Каном или Кангюем, по китайским источникам)². Тогда и Посейдон с трезубцем и пальмовой ветвью и морская форма самого Антимаха получают веское обоснование. К сожалению, это только догадки³.

Б. Кастальский

¹ Серебряных—типа тетрадрахм с сидящим на скале Гераклом и медных—со скачущей лошастью, весьма приличной выделки, но с надписями не-греческими.

² К. А. Иностранцев, О домусульманской культуре Хивинского оазиса, стр. 288—289. СПб, 1911.

³ По окончании этого исследования выяснилось, что В. В. Тарн на стр. 90—91 своего сочинения (см. выше примеч.) высказывает почти ту же идею, но рассматривает ее несколько в другом аспекте.

Эту «морскую» победу он относит к среднему течению Оксуса, или Аму-Дарьи, лежащему на северо-запад от границы Бактрийского царства.

Победа эта была, якобы, одержана Антимахом над апа-саками, или водными саками, имевшими флот на Аму-Дарье и промышленными на ней торговлей и пиратством. Вместе с этим домыслом он исключает возможность этой победы на Каспийском море и на Сенстанском Хамуне, с чем нельзя, конечно, не согласиться. Эта победа Антимаха над водными саками, одержанная якобы на среднем течении Аму-Дарьи, помимо ее фантастичности вообще, представляется нам маловероятной еще и по следующим соображениям. Аму-Дарья, хотя и величайшая река Средней Азии, крайне неблагоприятна для судоходства по ней. Она очень мелка, допуская осадку для судов не более 0,5 метра. Скорость течения очень велика, достигая трех и более метров в секунду. Она очень мутна, с очень непостоянным дном и берегами. Фарватер на ней очень извилист и меняется в самое короткое время; он с трудом различается днем, а ночью все суда останавливаются. При таких условиях на этой реке возможно только

Две древнеегипетские портретные головы эпохи Среднего Царства из собрания Гос. Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

1

В Гос. Музее изобразительных искусств им. Пушкина в Москве хранятся две неизученные скульптуры. Атрибуция этих скульптур позволяет затронуть некоторые общие проблемы истории египетской культуры эпохи Среднего Царства.

Верхняя часть статуи фараона (серый гранит, высота 19 см; из бывш. собрания В. С. Голенищева) сохранилась спереди до нижней части груди, сзади—по лопатки. Клафт на голове почти весь уцелел, за исключением небольшого обломка около правого виска и жгутообразного конца клафта, свисающего сзади на спину и сохранившегося лишь в своей нижней части. Лицо повреждено сильнее: отбиты нос, подбородок, большая часть подвешной бородки. Хорошо сохранились глубоко посаженные и благодаря этому сильно затененные глаза, правый угол губ и торчащие, высоко посаженные уши. На грудь свисают состоящее из пяти полос ожерелье и еще ниже подвешенные на цепочке два амулета. На лобной части клафта, над обрамляющей клафт широкой, лентообразной полоской, ясно видны следы снятого и стертого урея, верхний кончик которого еще заметен, особенно при рассматривании головы в профиль. Первоначально украшавший голову урей, рисунок клафта и характер трактовки лица не оставляют сомнения не только в том, что изображенное лицо—фараон, но и в принадлежности памятника к эпохе Среднего Царства.

Между тем еще Б. А. Тураев¹ сомневался в окончательной атрибуции и под очень кратким описанием этого памятника пометил: «Среднее Царство» с вопросительным знаком. Тураев не обратил внимания и на стертость урея, указав лишь на его отсутствие. Сопоставление нашей головы с рядом других не только снимает вопросительный знак в датировке памятника эпохой Среднего Царства, но и позволяет видеть в изображенном лице одного из двух фараонов XII династии—а именно Сенусерта I или Аменемхета II.

Остановимся сперва на элементах иконографии. Ряд исследователей установил достоверные и неопровержимые данные, особенно в части анализа клафта и урея, по которым можно с почти полной безошибочностью отнести тот или иной памятник к эпохе Среднего Царства². Сличая характер клафта на нашем памятнике с рядом других клафтов, принадлежащих головам достоверно установленных фараонов времени

медленное грузовое движение на судах очень малого тоннажа. Все среднее течение реки пустынно и лежит между сыпучими песками Кара-Кумов и Кызыл-Кумов, вдали от культурных оазисов. Орошение из этой реки технически весьма затруднительно, причем для этого имеется очень мало удобных площадей.

Даже при современной технике приспособить эту капризнейшую реку для торговли и связи крайне затруднительно. Если у апа-саков и была на Аму-Дарье какая-то флотилия, то только грузовая, типа каюков.

Ясно, что при таких обстоятельствах говорить серьезно о какой-то морской битве флотилий и полуварварских саков с греками, отделенными от этой реки трудно проходимыми, безводными Кара-Кумами, можно только не зная местных условий.

Несколько правдоподобнее будет казаться эта идея о «морской» победе, если мы перенесем поле сражения к хорезмийцам на нижнее течение Аму-Дарьи и южный берег Аральского моря.

¹ Б. А. Тураев и В. К. Мальмберг, Статуи и статуэтки из собрания Голенищева. Петроград, 1917, стр. 1.

² Jequier, *Frises d'objets*; R. Engelbach, *The so-called Hyksos Monuments* («Annales du service des Antiquités de l'Égypte», XXVIII, 1928); Winlock, *Bull. New York*, XI, 1916; H. G. Evers, *Staat aus dem Stein: Denkmäler, Geschichte und Bedeutung der Aegyptischen Plastik während des Mittleren Reichs*, 1929.